

ПОЧЕМУ МОСКВА ЗЛАТОГЛАВАЯ?

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

«Над Москвой великой, златоглавою, над стеной кремлевской, белокаменной...» - так представлял Лермонтов нашу столицу времен Ивана Грозного. Такой же увидел ее и немец Адам Алеарий: «Колокольни обтянуты густо позолоченной жемчужной, которая при ярком солнечном свете превосходно блестит и дает всему городу прекрасный облик».

Белый и желтый цвета определяли лицо города. Это, конечно, в благополучные времена, а то бывало оно и черным от пожара, и серым от небрежения. Но главное все-таки оставалось. Через два столетия после Алеария, в 1839 году, маркиз де Кюстин написал: «Огромное множество церковных глав, острых, как иглы, шпиль и причудливых башенок горело на солнце под облаками дорожной пыли... Игра света, отраженного этим воздушным городом, - настоящая фантазмагория среди бела дня, которая делает Москву единственным городом, не имеющим себе подобного в Европе».

«Огромное множество» - это сколько? Ответ есть у Дала: «По преданию, в Москве сорок сороков церквей - 1600». Впрочем, предание нуждается в уточнении. Во-первых, даже в лучшие времена церквей в Москве было вдвое меньше. Во-вторых, упомянутые «сороки» означают тут не числительные, а благочинные округа, которые в свою очередь делились на приходы. Стоглавый собор 1551 года разделил Москву на семь сороков, каждый из которых возглавлял священник-староста. А выражение «сорок сороков» лишь подчеркивало торжественность и размах всемосковского крестного хода. Первые каменные храмы появились в столице в XIV

веке, при Иване Калите. Православные называют их домом Божиим, где обитает сам Господь в окружении ангелов и святых. Храмы строили по-разному. Основание в форме креста символизирует избавление нас от власти темных сил. Продолговатая форма напоминает о корабле, который, подобно Ноеву ковчегу, несет человека по житейскому морю к надежной пристани в царствии небесном. Фундамент в форме круга напоминает прихожанам о вечности, а восьмиугольник - о церкви как путеводной звезде для живущих.

Здание храма завершается куполом - символом неба, который увенчан крестом во славу главы церкви - Бога-сына. Часто ставят не одну, а несколько глав, придавая им символический смысл - например, три главы - три лица Святой Троицы, пять - Иисус Христос и четыре евангелиста, девять - девять чинов ангельских и т.д. Поначалу строили и шатровые церкви, как, например, храм Вознесения в Коломенском, пока патриарх Никон не положил конец архитектурной вольнице, узаконив лишь пятиглавые.

В годы бедствий стали появляться храмы, построенные по обету в один день - их стали называть обыденными. Да только горело их много. В 1547 году, например, пожар спалил 250 таких храмов. Некоторые из них восстанавливали уже в камне. Один из немногих, дошедших до наших дней, - храм Ильи Пророка Обыденный, что стоит в Обыденском переулке. По преданию, его предшественник, сожженный поляками, был поставлен в один день во время засухи 1592 г. великим князем Василием III из готовых срубов.

В XVII веке все церкви были перестроены в камне. Этому не помешал даже царский запрет каменного строительства в Москве (из камня теперь возводили петровское детище - Петербург). Но все же к концу века здесь было 320 храмов, причем в частных домах - еще больше (богачи предпочитали устраивать себе домашние молельни).

Пожар 1812 года уничтожил многие святыни. Осталась едва ли треть, но уже к середине века все было восстановлено. Нумерация домов с разделением на четную и нечетную стороны улицы введена была только после полицейской реформы 1862 г., а до той поры москвичи писали адреса примерно так: Москва, приход храма Тихвинской иконы Божией Матери, в доме купца Иванова, такому-то.

Последний пик строительства пришелся на начало прошлого века и продолжался до Первой мировой войны. К 1917 году насчитывалось 764 церкви, 15 мужских и 10 женских монастырей и десятки часовен. Впрочем, кое-что достраивали даже

до 1921 года, и в столице появилось еще около сотни новых храмов.

Потом настали трудные для верующих времена. На Пасху 1918 года в Успенском соборе Кремля прошла последняя служба, а потом кремлевские соборы и вовсе закрыли. К 1920 году церкви и монастыри лишились своего имущества. Были конфискованы сотни жилых домов, десятки школьных зданий, богаделен, больниц. На приобретенных таким образом площадях разместились заводские цеха, мастерские, склады, а монастыри приспособили под тюрьмы, которых требовалось много. Борьась с неграмотностью, власти заодно снесли и десятки храмов - а где же иначе строить школы? Но гораздо чаще на месте прежних построек появлялись пустыри, а то и общественные туалеты - старожилы еще помнят такое заведение на месте храма Казанской иконы Божией Матери, что на Красной площади.

В 1930-м запретили колокольный звон, а колокола увозили для переплавки на электролитный завод в Верхних Котлах. Позолоту с куполов и крестов обдирали вместе с основой и везли на завод имени Менжинского, где и шла добыча золота для страны. В том же году закрыли последний монастырь - Свято-Данилов, разместив в нем колонию для детей, чьи родители попали под колесо репрессий. Год спустя рухнул храм Христа Спасителя...

Между тем многие храмы были не только памятниками архитектуры, но и просто памятниками, связанными с важнейшими событиями нашей истории. Если храм Христа Спасителя напоминал о победе 1812 года, то церковь Казанской иконы Божией Матери на Красной площади - об изгнании непрошенных гостей из Польши. Храм Василия Блаженного построили в память о казанских победах (тоже, кстати, чуть было не снесли, да архитектор Барановский пригрозил властям покончить с собой, за что и был посажен. Зато храм устоял).

Дело было не только в яростной борьбе с «мракобесием». Власти, увлеченные строительством новой столицы непременно на обломках старой, многое превратили в развалины. Москва потеряла сотни великолепных построек, придававших ей уникальный облик. Настоящему разгрому подвергся Кремль, где до революции было два монастыря - Чудов и Воскресенский. Нет уже тех монастырей, не осталось следа и от древнейшего из сохранившихся к 1917 году зданий Москвы - Спаса Преображения на Бору, построенного в 1330 году Иваном Калитой. Из 26 церквей уничтожено 17. Всего же в Москве с 1932 года исчезло более четырехсот памятни-

ков мирового значения. Например, у входа в церковь Успения на Покровке, стоявшей с XVII в., можно было прочитать: «Входящий, удивись, - дело рук человеческих». Не помогло...

Но политика хороша, пока она выгодна. В 1943-м власть сочла выгодным пойти на контакт с церковью. Сталин принял местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия и оставшихся еще на свободе архиереев. Сергия избрали патриархом, дали ему особняк для резиденции, начали восстанавливать храмы. Однако ренессанс продолжался недолго. В конце 50-х прошла новая антирелигиозная кампания, и снова принялись за ненавистные здания. В 1964-м в Преображенском взорвали основанный при Петре храм Преображения. Дела шли настолько успешно, что в 70-е годы обнаружилось: в церквях стало тесно, и по праздникам приходится служить по две обедни...

Тысячелетие Крещения Руси совпало с перестройкой. «Тогда считать мы стали раны...» Оказалось, что из 848 московских храмов разрушено 433, а из тех, что сохранились, 263 не действовали.

Началось восстановление. Так, завод «Динамо» лишился одного из цехов, зато церковь вернулась храм Рождества Богородицы в Старом Симонове, где похоронены герои Куликовской битвы Пересвет и Ослябя. Стали оживать и монастыри - Новоспасский, Рождественский, Новодевичий... Теперь их уже девять. А в 90-е годы москвичи с удивлением наблюдали небывалую картину: строились... церкви. На прежнем месте поднялся храм Христа Спасителя, к 50-летию Победы на Поклонной горе вырос храм Великомученика Георгия Победоносца. Восстановлена церковь Казанской иконы Божией Матери. Снова зазвенели колокола в Кремле, возрождаются и многие другие святыни - например, Иверская часовня у Воскресенских ворот, на месте многих разрушенных памятников тоже построены часовни. А недавно в Орехове-Борисове вырос храм в честь тысячелетия Крещения Руси.

Сегодня в столице уже около шестисот храмов, но богослужения совершаются лишь в 436: десятки зданий еще не освобождены от прежних арендаторов.

Облик Москвы с древности определялся обилием церковных куполов. Чтобы она снова стала такой же златоглавой, какой ее когда-то видели, на каждую действующую церковь нужно построить еще десяток новых. Ведь и население выросло - теперь нас в столице не полтора миллиона, как было накануне революции. Да только вот нужно ли? Веры у москвичей с тех пор поубавилось, а строители в этом деле не помогут.

ЗАВЕТНЫЙ УДЕЛ КНЯЗЯ ДАНИИЛА

В Даниловском районе столицы, у площади Серпуховской заставы, стоит памятник князю Даниилу Московскому. Хоть район назван и не в честь князя, но отношение к его делам имеет прямое. Даниил Александрович основал соседний Свято-Данилов монастырь, который носит имя небесного покровителя князя, святого Даниила Столпника.

Были в жизни князя и другие заметные дела - недаром автор скульптуры изобразил его с мечом в одной руке и миниатюрным храмом - в другой. Меч, правда, в ножнах, что напоминает о жизненном принципе родоначальника московских князей - «мир и созидание». Благодаря Даниилу захолустный удел стал великим княжеством, а уже при его сыне, Иване Калите, Москва превратилась в столичный город.

Даниил Александрович - четвертый, младший сын князя Александра Невского. В два года он осиротел, но, как сказано в житии, «Господь избрал его, и возрастил, и устроил». Во времена междоусобиц князь прослыл миролюбцем. Конечно, миролюбие это было в духе времени. Например, помог ратниками одному из своих братьев, Андрею, когда тот пошел против другого брата, Дмитрия. И был, наверное, прав, потому что при таком раскладе братья быстро договорились и битва не состоялась. Но на этом их вражда не кончи-

лась. Неугомонный Андрей привел из Орды татарскую рать под водительством некоего Дюдени, который (опять-таки с помощью русских князей) разгромил несколько городов, после чего подошел к Москве. Даниил не мог защитить город и, как повествует житие, «миролюбиво открыл ворота». Хоть мира не получилась и Москву разграбили в очередной раз, князь мстить не стал и помирился с вероломным братом.

Впрочем, пришлось и немного повоевать. Однажды князь сразился с врагами и даже взял в плен коллегу, рязанского князя Константина Романовича, татарского союзника, но «не отягчил его участи жестокостью, ласково угощал его и содержал в почете». И то: до Куликовской битвы оставалось еще почти восемьдесят лет. Словом, дипломатом он был неплохим и предпочитал врагов не убивать, а по возможности превращать в друзей.

Соседи оценили умелую политику Даниила. Ему, младшему своему дяде, а не старшему, Андрею, завещал свое княжество с городом Дмитровом бездетный племянник Иван. Новые многолюдные владения укрепили позиции князя, но тот хорошо помнил слова Писания: «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца». Даниил головы не терял и помнил о Боге. Незадолго до смерти принял схиму - высшую монашескую степень, требующую сурового аскетизма, - и смиренно завещал похоронить себя в монастыре, но не в храме, а на общем братском кладбище. Он еще не знал, как сложится судьба этого кладбища. Вскоре монастырь перевели в кремль, поближе к двору, а Даниловская обитель вместе с могилой князя пришла в запустение. Чтобы возродить монастырь, нужно было чудо. И оно свершилось...

Однажды мимо заброшенной могилы князя проезжал его потомок, Иван III. Один из придворных отстал

от свиты, и тут перед ним явился некий старец, который представился как сам Даниил Московский. И попросил передать великому князю: мол, сам предаешься утехам, а про меня совсем забыл. «Но если он забыл меня, то мой Бог не забудет меня никогда», - сказал старец. Перепуганный придворный передал эти слова, и они произвели должное впечатление. Потомок распорядился служить панихиды по душам покойных родственников и устроил раздачу милостыни.

Но уважения к могилам предков так и не появилось, а потому во времена правления его сына Василия случилось очередное чудо. Как-то князь Шуйский, садясь на коня, для удобства наступил на надгробный камень Даниила. Тут снова возник старец и предупредил, чтобы тот «не дерзал» наступать на камень, под которым покоится блаженный князь. Однако Шуйский не послушался и ответил довольно грубо: «Мало ли тут князей!» За что тут же и поплатился: конь встал на дыбы, сбросил седока, который хоть и остался жив, но сильно занемог. Выздоровел только после того как покаялся и отслужил панихиду по Даниилу.

Бывали на той могиле и чудесные исцеления, пока наконец очередной потомок, на этот раз сам Иван Грозный, не обратил внимание на животворную могилу. Монастырь обнесли стеной, поставили храм, собрали инок. А спустя почти сто лет, уже при Романовых, мощи князя Даниила, оказавшиеся, как и положено святому, нетленными, перенесли в монастырский храм. Там они пролежали до самого пришествия большевиков.

В 1931 году здесь устроили приемник-распределитель НКВД. Но монастырь возродился, сегодня в нем находится резиденция Патриарха Московского и всея Руси. А в храме Святых Отцов Семи Вселенских Соборов хранится рака с частичкой мощей святого Даниила Московского.

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА